

Автор жив! Пока

Словесная Визуализация

RitaSe опубликовав статью «Жив ли автор?» положил начало дискуссии по небольшому эссе Ролана Барта «Смерть автора». Дополнительный импульс ей придала статья Неточки «Воскрешение автора», которая, сделав краткий экскурс в историю структурализма и постструктурализма, пытается встать на защиту французского мэтра.

Давайте все-таки определимся с предметом спора.

Я попытался кратко резюмировать основные идеи «Смерти автора». Таковых набралось, не считая побочных линий, около шести.

1. Прежде всего, Барта не устраивает культ Автора, царящий в литературе и считающий, что содержание произведения – есть отражение его переживаний. Заодно достается и критикам, ищущим источники этого переживания в житейской несостоятельности (Бодлер), душевной болезни (Ван Гог) или пороке (Чайковский).
2. Основной посыл Р.Барта – текст вырождается в гипертекст, сотканный из «цитат, отсылающих к тысячам культурных источников». В результате чего Автор низводится до Скриптора, который «несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо».
3. Далее Автор низводится еще ниже - до положения механического Проводника, чья рука записывает как можно скорее то, о чем даже не подозревает голова или он и вовсе растворяется в «групповом письме». Высказывание как таковое - пустой процесс и превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих.
4. Низведенный Автор не выдерживает и вовсе исчезает, уступая место Скриптору материализующемуся только в момент речевого акта (насколько можно понять – озвучивания гипертекста). А сам текст теряет всякую осмысленность и превращается в «некое знаковое поле, не имеющее исходной точки».

5. Текст порождает смысл только в момент его восприятия, но он тут же улечивается, происходит систематическое высвобождение смысла. «Тем самым литература (отныне правильнее было бы говорить письмо), отказываясь признавать за текстом (и за всем миром как текстом) какую-нибудь «тайну», то есть окончательный смысл, открывает свободу контртеологической, революционной по сути своей деятельности, так как не останавливать течение смысла - значит в конечном счете отвергнуть самого бога и все его ипостаси - рациональный порядок, науку, закон».

6. В заключение достается и читателю. «Читатель - это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель - это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст».

Прочитав все это, я никак не мог отделаться от ощущения, что где-то это уже видел. Если отбросить демонстрацию эрудиции автора и экскурсы в историю литературы, то перед нами типичный Манифест некоего литературного формирования или течения. Весь вопрос – первичен ли он.

Помнится где-то я читал, что некая новая поэзия «за исключением своей отправной точки не поставляет себя ни в какие отношения к миру, не координируется с ним никак» и «все остальные точки ее возможного с ним пересечения заранее должны быть признаны незаконными».

Написано почти за 60 лет до эссе Барта.

В «Слове о книгах 3» я позволил себе сравнить литературу с рекой, текущей по ландшафту человеческой культуры, которую подпитывает множество вливающихся ручейков. Позволю себе автоцитату:

«Ручейки – это необходимые крайности, через текст которых порой очень трудно пробраться и, наверное, в большей степени адресованные собратьям по цеху, чем читателям. Но эти крайности становятся необходимым элементом мейнстрима, который на своем пути обволакивая их, ассимилирует в себя некоторые элементы. В качестве примера можно привести и поток сознания Джеймса Джойса, и творчество Велемира Хлебникова, А. Ремизова, Игоря Северянина, ...» Футуризм, чей манифест цитировался выше, стал одним из таких ручейков. Еще Л.Н. Гумилев писал, что основу любого общества составляют мещане или, в более современной интерпретации, – «средний класс». А это антитеза к пассионариям, не терпящая экспериментов. В результате за модернизмом неизбежно следует постмодернизм.

Но вернемся к манифесту Барта. Он отразил лишь основные положения модернизма – решительное нарушение принципа последовательности повествования, отказ от канонической взаимосвязи и единства сюжета, принципов «причинно-следственного» развития, использование иронических и двусмысленных сопоставлений, ставящих под сомнение морально-философскую основу поведения литературных героев, всяческое уничтожение рационального, противопоставление рациональному сознанию внутреннего иррационального сознания.

Внутри модернистских текстов положения Барта вполне уместны и применимы. Но экстраполировать его тезисы на

современную литературу – мягко говоря, не совсем корректно.

В заметке «Второе и последующие слова» я уже писал, что потребность в новом языковом отражении действительности возникает при резких изменениях самой этой действительности. Футуризм отражал тектонические сдвиги начала 20 века, модернизм – середины. Но как только жизнь ассимилирует бунтарство, превращая его с такой же коммерческой товар, исчезает основа для словесных экспериментов и, как я уже писал, на смену модернизму приходит постмодернизм.

Постмодернизм синтезировал реализм и предмодернизм первой половины XX века с некоторыми элементами модернизма. Он стремится к созданию литературы более демократической и более притягательной, нежели «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса, «Песни» Эзры Паунда, «Рассказы и тексты для ничего» Беккета, требующих для своего понимания обширных комментариев и справочников. (В качестве справки. «Поминки по Финнегану» - роман, главной особенностью которого является особый язык, понимаемый с огромным трудом и не до конца: большую часть слов в нем составили авторские неологизмы, образуемые всевозможными деформациями и комбинациями английского и множества (около 70) других языков).

Постмодернистский роман поднимается над спором между реализмом и ирреализмом, формализмом и «содержательной литературой», литературой для «избранных» и массовой литературой. Его можно сравнить с хорошей музыкой: каждое повторное прослушивание обнаруживает новые нюансы. Но самое первое знакомство должно быть столь захватывающим, что бы возникло желание вернуться к нему вновь.

Думаю, без труда читающие эти строки определяют, что мы до сих пор живем в эпоху постмодернизма.

Единственное, с чем можно согласиться в эссе Р. Барта – это предсказание «смерти» традиционной критики. С распространением интернета она все больше заменяется референтными группами, но это уже тема для другой статьи.

P.S. Чтобы не быть уличенным в увлечении «измами», приведу фрагмент статьи «Литература восполнения» Барта, только не Ролана, а Джона (автора «Химеры» и множества других романов), с которым я полностью согласен:

«... Точно так же, одаренный писатель способен подняться над своими эстетическими принципами, не говоря уже о принципах, приписываемых ему другими... Подлинные художники и подлинные тексты лишь в редких случаях больше, чем более или менее, походят под рубрику модернизма, формализма, символизма, реализма, сюрреализма, политической заангажированности, чистого эстетизма, «экспериментализма», провинциализма, интернационализма и чего угодно. Конкретное произведение всегда должно быть важнее контекстов и категорий».

© Copyright: [Словесная Визуализация](#), 2006

Свидетельство о публикации №206070300004

[Список читателей](#) / [Версия для печати](#) / [Разместить анонс](#) / [Заявить о нарушении](#)

[Другие произведения автора Словесная Визуализация](#)

Рецензии

[Написать рецензию](#)

"Текст порождает смысл только в момент его восприятия, но он тут же улетучивается,"

Это, с моей точки зрения, сомнительный тезис. Текст, объективно, может содержать новые смыслы, а может и не содержать. В первом случае смерть автора несколько преждевременна, потому как создавать новые смыслы (создавать новую информацию) без сознания автора пока как-то не очень получается. Художественная форма весьма опосредованно связана с этим процессом и призвана, скорее, облегчать (или нет) изложение смыслов автором и восприятие текста читателем. При восприятии текста, порожденные им смыслы могут быть встроены в мировоззрение читателя (а могут и нет). Но если смыслы трансформируют мировоззрение читателя, то они не "улетучиваются".

На самом деле я весьма критично воспринимаю бартовскую концепцию смерти автора и вырождение текста в цитирование.

"это предсказание «смерти» традиционной критики"

Собственно, на мой взгляд, критика должна бы смещаться от субъективизма в оценке личности автора и ее аспектов к объективным и более абстрактным критериям, вроде символов, контекста и т.д.

Но будучи ортогональным личностному, анализ текста не умерщвляет сознание автора. Без сознания автора не было бы текста и не было бы предмета для анализа.

[Еще Один Дождь](#) 11.03.2020 15:44 • [Заявить о нарушении](#)

+ [добавить замечания](#)

На это произведение написано [6 рецензий](#), здесь отображается последняя, остальные - [в полном списке](#).